

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Исследуется качественно новый этап истории постсоветских городов, характеризующийся ростом активного участия горожан в преобразовании жизненного пространства. Перечисляются факторы и предпосылки, оказавшие наиболее заметное влияние на данный процесс, обозначаются траектории дальнейшего развития городской среды и возникающие в связи с этими траекториями исследовательские вопросы.

Ключевые слова: город, городская среда, пандемия, цифровые технологии, городское участие.

E. V. Lebedeva

Belorussian State University, Minsk

THE NEWEST HISTORY OF POST-SOVIET CITIES: PRECONDITIONS AND FACTORS OF FORMATION

The article deals with a qualitatively new stage in the history of post-Soviet cities, which is characterized by an increase in the active participation of citizens in the transformation of living space. The factors and prerequisites that have had the most noticeable influence on this process are listed, the trajectories of the further development of the urban environment and the research questions arising in connection with these trajectories are indicated.

Keywords: city, urban environment, pandemic, digital technologies, urban participation.

Городскую среду можно обозначить как своего рода культурный срез, единство культурных форм, представленных как в физическом, так и в социальном выражении. Безусловно, каждый регион и каждый город обладает своим уникальным культурным срезом (поскольку представляет собой неповторимую «смесь» различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов и т. п.). Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты городской среды, сформированной под воздействием общих внешних факторов. Постсоветский город «в разрезе» представлен тремя совершенно самостоятельными культурными сферами: советская сфера (архитектурный модернизм, соединённый с исторической спецификой урбанизации – переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленную роль города и т. п.); переходная сфера (результат трансформации, сначала политической и экономической, а затем и культурной); сфера культурного взаимодействия (получивший синтез культур прародительниц – советской и западноевропейской – имеющий свои уникальные черты, не свойственные первым двум сферам).

Сегодня городские исследователи отмечают качественно новый период в развитии постсоветских городов – период переосмысления горожанами своей роли в качестве активных субъектов преобразования городской среды. В связи с этим возникает большое количество исследовательских вопросов – что выступает катализатором роста гражданской активности горожан (политические трансформации, цифровизация городской среды, социо-культурные преобразования или что-то другое), способны ли разобщённые, стихийные проявления активности горожан эволюционировать в более институционализированные формы (участие в принятии общественно важных решений для развития городской инфраструктуры; в обсуждении социальных и градостроительных проектов), как повлияет полученный опыт городского участия на коллективную идентичность, социальный капитал, национальное самосознание. Для того чтобы иметь возможность понять и объяснить новые феномены городской активности, стоит обратиться к предпосылкам, оказавшим наиболее значимое влияние на становление и развитие современной городской среды.

Во-первых, это преобразование экономической основы развития города. В последние годы исследователи всё чаще отмечают перемены в конфигурации социально-экономического пространства современных городов [1]. Если судьба советский города

напрямую зависела от состояния промышленного производства, локализованного в нём, то «в постсоветских городах доля промышленных функций и доля промышленных территорий в пространственной структуре города сократились значительно» [1, с. 356]. И наоборот, культура, искусство, сфера услуг, образование, которые в советский период рассматривались как «второстепенные» виды деятельности, сегодня зачастую выходят на передний план. Формирование креативного сектора экономики признаётся городскими управленцами задачей, не менее важной, чем развитие промышленных объектов. По мере увеличения в городской экономике доли креативного кластера, меняется её размерная структура, активнее развивается малый и средний бизнес, который становится все более заметным игроком в экономической сфере городов. Внешне это проявляется в создании многочисленных креативных городских пространств, которые, развиваясь и объединяясь друг с другом, превращаются в креативные кластеры, креативные кварталы и т. п. В свою очередь креативное пространство становится объектом притяжения так называемого «креативного класса» – людей «свободных» творческих профессий (художники, дизайнеры, музыканты), обеспечивает их сетевое взаимодействие, транслирует определённый набор ценностей и поведенческих установок. Американский социолог Ричард Флорида ещё в 2002 г. в своей известной книге «Креативный класс. Люди, которые создают будущее» [5] обозначил становление креативности как определяющий момент экономической жизни города. Источником креативности в данном случае выступает сама городская среда, её уникальная способность сочетать в себе разнообразие, уникальность и взаимодействие.

Во-вторых, глобализация, усиление международных экономических связей и повышение мобильности населения. Глобализация мировой экономики привела к формированию единого рыночного и информационного пространства и либерализации мировой торговли товаров и услуг. Транснациональные корпорации (McDonalds, Ikea, Starbucks и т. д.) сегодня влияют на социокультурную сферу города не менее сильно чем традиционные архитектурные элементы (места с исторической застройкой, официальные культурные объекты и пр.). Усиление глобальных связей между городами способствует формированию глобальных деловых и финансовых центров, развитию крупнейших транспортно-хабов, ориентированных на международные потоки. Глобализация воздействует не только на экономическую структуру города, но и затрагивает культурные, социальные, политические аспекты. Значительно возрастает мобильность горожан, которые получают возможность активно путешествовать, сравнивать условия жизни в различных городах, распространять по всему миру собственные ценности и модели поведения и «укоренять» в родном городе привозные.

В-третьих, активное внедрение в городскую среду инновационных технологий (развитие «умных» городов). Одним из важнейших факторов, влияющих на функционирование современных городов, является активное внедрение в городскую жизнь цифровых технологий. Благодаря развитию технологий значительно меняется формат занятости горожан (популярность удаленной работы, рост количества самозанятых), трансформируются коммуникативные и досуговые практики (исчезают грани между личным пространством и пространством для работы), меняется качество жизни. Многофункциональность постепенно становится неотъемлемым качеством не только городской среды, но и самого человека.

В-четвёртых, демографические изменения в составе городского населения. В данном случае подразумевается, во-первых, постепенное старение городского населения и, во-вторых, процесс смены поколений. Старение городского населения приводит к продолжению активной трудовой и общественной деятельности после достижения пенсионного возраста для обеспечения возможности достойной жизни после выхода на пенсию. Поскольку люди старшего поколения, как правило, медленнее усваивают и принимают технологические инновации, в городской среде возникают новые измерения социального неравенства в городе – цифровая эксклюзия и техноэйджизм. Несмотря на то, что теория

смены поколений сталкивается с довольно большим количеством критики (часто обоснованной), тем не менее полностью исключать данное обстоятельство при анализе трансформационных процессов в современной городской среде нельзя. Ряд идей, которые она предлагает, могут быть полезными. Кратко обозначим её суть. Теория поколений – это направление на стыке экономики, истории, технологий, культурологии и политологии, датой появления которой считается 1991 (выход книги Уильяма Штрауса и Нейла Хоува «Четвертый поворот» [6]). Согласно данной теории, на смену поколению беби-бумеров (1944–1963 годы рождения), составлявших основу советского города, пришло поколение Х (1964–1984 годы рождения), а затем поколение Y (1985–2003 годы рождения). В структуре ценностей горожан произошли существенные сдвиги – на смену коллективизму, скромности и доверию к авторитетам пришли индивидуальность, независимость, стремление к разнообразию, желание развиваться, иметь возможность выбора, наступила эра брендов и глобальных идей. Преобладавший ранее стандартизированно-технократический подход к строительству должен смениться «персонализацией» создаваемых жилых и общественных пространств.

Своеобразным катализатором вышеперечисленных предпосылок выступила пандемия коронавируса нового типа, охватившая весь мир в 2020 г. Обобщив существующий на данный момент исследовательский опыт, можно выделить три группы факторов, оказавших влияние на функционирование и развитие городской среды.

Прежде всего, это социальные последствия массовой вынужденной самоизоляции и дистанцирования. Ставший популярным в 2020 г. термин «социальная дистанция» имеет также и немедицинское значение – «практика поддержания определенной удаленности или эмоциональной отдаленности от другого человека, или социальной группы» [8]. Стоит отметить, что проблемы эмоциональной отдаленности, коммуникативных барьеров и ксенофобии проявлялись в жизни больших городов и до этого момента [2], однако Covid-19 вывел их на совершенно новый уровень. Публичные пространства (городские парки, улицы, дворы), как «сцены для социального действия», конституирующие общество, опустели. Неформальное, неструктурированное и «необязательное» взаимодействие горожан, которое «делает возможной коммуникацию между разнородными индивидами и группами и создает такой положительный феномен, как космополитизм» [7, с. 214], оказалось под запретом. Разнообразные «третьи места» (городские кафе и кофейни, культурные хабы и арт-площадки), способные выступать в роли «нейтральной территории» или «организационного пункта», обеспечивать город «публичными персонажами», организовывать совместное проведение досуга взрослых и молодежи [3], были закрыты (многие из них навсегда). Выполнение наиболее важной – коммуникативной (связующей) функции городской среды оказалось под угрозой.

Кроме того, стоит отметить влияние «инфодемии». Режим самоизоляции поспособствовал значительному росту объемов потребления цифрового контента. По данным ВЦИОМ в России в апреле 2020 г. в цифровую среду были вовлечены 82 % жителей, 71 % из них пользовались интернетом каждый день (преимущественно для общения с близкими и получения новостей о стране и мире) [4]. При этом медийное воздействие на потребителей часто осуществлялось в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. На фоне напряженной эпидемической ситуации, а также невысокого уровня доверия общественности к информации о коронавирусе, предоставляемой из официальных источников, это привело к появлению феномена инфодемии – активному распространению через социальные сети и мессенджеры недостоверной, ложной информации («фейков»), слухов, страхов, панических настроений, некомпетентных советов и пр. Негативными последствиями инфодемии с точки зрения городской среды, стали «виртуальный уход» горожан в свой собственный безопасный мир. Удаленная работа («офис дома»), неограниченные возможности интернет-покупок и курьерской доставки избавили горожан от необходимости покидать пределы собственной квартиры даже по-

сле снятия карантинных ограничений. Жизнь в собственном «уютном коконе» постепенно превратилось в новую реальность современного города.

И, наконец, тотальный контроль за горожанами, вызванный желанием властей остановить распространение вируса. В период пандемии COVID-19 существующие технические возможности контроля фактически сделали возможным прямое директивное управление жизнью горожан. К примеру, в Москве функционировала специальная система слежения за пациентами с коронавирусом, находившимися на карантине в домашних условиях (специальное мобильное приложение отслеживало геолокацию и контролировало все перемещения заболевшего). Помимо некоторых положительных эффектов «цифровой слежки», она вызывает серьёзные опасения – насколько надёжны системы хранения собранной информации, рискуют ли горожане, оказавшиеся в «ковидных» базах данных, стать жертвой киберпреступников, как долго накопленная информация будет храниться и с какими целями будет использована после того, как вирус пройдёт, будут ли цифровые технологии контроля, отработанные во время пандемии, применяться впоследствии, уже с другими целями. К негативным эффектам цифрового контроля для городской среды эксперты относят возможное стремление горожан сбежать из-под «прозрачного колпака», где за ними постоянно наблюдают, контролируют и наказывают за ошибки.

Качественная трансформация городской среды влечёт за собой пересмотра предметных границ исследовательского интереса. Развиваются синтетические концепции (на стыке социологии и кибернетики, культурологии и географии и пр.), особое внимание уделяется вопросам устойчивости, долгосрочного планирования и инклюзивности, повышения эффективности городских процессов, оптимизации использования ресурсов и защиты окружающей среды, улучшения качества жизни граждан. Можно предположить, что будущими линиями развития городской среды станут интеграция физического пространства и киберпространства; антропоцентризм и забота о благополучии каждого индивида; опора на «большие данные» как ресурс дальнейшего развития; акцент на развитии локальных сообществ и местного самоуправления.

Литература

1. Власова Н. Ю. Факторы и тенденции развития социально-экономического пространства крупнейших российских городов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. № 1. С. 353–364.
2. Лебедева Е. В. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов // Социология. 2015. № 3. С. 114–121.
3. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
4. Сеть как спасение // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 20.01.2021).
5. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М. : Иванов, Манн и Фербер, 2016. 384 с.
6. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York : Broadway Books, 1997. 400 p.
7. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1989. 305 p.
8. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/88377097> (дата обращения: 20.01.2021).